

ЖИЗНЬ НАРОДОВЪ РОССІИ

Л. Инфантьева

МУРМАНСКІЕ ЗУЙКИ

Разсказъ изъ жизни поморовъ

МУРМАНЪ

Очеркъ

Съ 12 рисунками

ХИ-6486

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА П. В. ЛУКОВНИКОВА
С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., 2

1911

2007112378

Мурманскіе зуйки.

Разсказъ изъ жизни поморовъ.

I.

Было утро. Тихій, безоблачный весенній день обѣщалъ быть очень жаркимъ.

Пароходъ «Вел. Кн. Елизавета Ѳеодоровна», шедшій внизъ по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ, былъ переполненъ пассажирами. Помѣщеніе третьяго класса было буквально биткомъ набито народомъ. За отсутствіемъ скамеекъ или другой какой-либо мебели, прямо на грязномъ полу сидѣли и лежали, кому какъ пришлось, полуголые отъ жары люди; тутъ были всѣ вмѣстѣ: и мужчины, и женщины, и дѣти. Со всѣхъ градомъ катилъ потъ. Духота и отвратительный запахъ стояли невыносимые. Даже со стѣнъ текло отъ испареній этихъ живыхъ человѣческихъ тѣлъ.

— За свои собственныя деньги изволь-ка вотъ тутъ мучиться въ такой, прости Господи, гееннѣ огненной! — произнесъ одинъ изъ пассажировъ, сѣденькій, благообразный старичокъ, сидѣвшій въ уголкѣ съ двумя мальчиками, изъ которыхъ одному было лѣтъ четырнадцать, а другому не болѣе двѣнадцати.

— Нужда заставитъ, такъ и на пароходной трубѣ поѣдешь! — отозвался на его замѣчаніе только-что вошедшій рабочий, подыскивавшій возлѣ старичка мѣстечко, гдѣ бы ему примоститься со своимъ мѣшкомъ.

— Это точно: только по нуждѣ и можно ѣздить на такихъ пароходахъ! — согласился старикъ. — Ребятки, вы пошли бы погулять на палубу, провѣтрились бы, а мѣстечко уступили бы вотъ

новому пассажиру. Идите-ка, милые! Тамъ все посвободнѣй, чѣмъ сидѣть здѣсь въ такой духотѣ. Теперь ужъ немного осталось терпѣть, — скоро прїедемъ въ Архангельскъ! — обратился онъ къ сидѣвшимъ съ нимъ мальчуганамъ.

Мальчички поднялись съ мѣста и направились къ выходу.

— Какъ провели эту Котласскую желѣзную дорогу, такъ крещеный мїръ точно прорвало: ѣдутъ и ѣдутъ, и конца-краю нѣтъ! — говорилъ словоохотливый старичокъ въ то время, какъ новый пассажиръ устраивался на мѣстѣ.

— А парходовъ мало. Ну вотъ капитаны этимъ случаемъ и пользуются, и возятъ нашего брата, ровно скотъ какой, да еще и за то велятъ сказывать спасибо! — подхватилъ рабочій. — Это твои, что ли, ребята-то были? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Нѣтъ, чужіе, сироты.

— Куда же ты ихъ везешь-то?

— Мать ихняя просила отвезти ребятъ въ Архангельскъ, къ дядѣ-рыбопромышленнику. Мы изъ-подъ Великаго-Устюга. Я-то самъ ѣду въ Соловки, на поклоненіе святымъ Соловецкимъ угодникамъ, — ну вотъ и захватилъ ихъ съ собою по пути до Архангельска.

— Что же они будутъ дѣлать у дяди?

— Хочетъ везти ихъ на Мурманъ на промыслы, зуйками*).

— Такихъ-то маленькихъ? Да какіе же они еще промышленники? — вмѣшалась въ разговоръ сидѣвшая рядомъ женщина.

— Ну, да работа-то у нихъ будетъ не трудная: вѣроятно, наживку начинать на крюки. А, глядишь, за лѣто-то все-таки что-нибудь и заработаютъ.

— Знаю я эту работу, — сказалъ рабочій: — бывалъ и на Мурманѣ. Ну, не скажи, чтобы ужъ очень легкая. Работа эта спѣшная, и наживодчику часто приходится накалывать о рыбу руки, а заживлять некогда. Хозяева не церемонятся: или работай съ больными руками, пока не сдѣлаешься калѣжкой, или убирайся прочь съ промысловъ! Нѣтъ, братъ, не пожелалъ бы я такой работы не только своему сыну, а и злomu татарину! — добавилъ онъ, покачавъ головою.

*) Зуйками на Мурманѣ называютъ подручныхъ мальчиговъ-васе-варовъ.

— Что подѣлаешь? Не по міру же ихъ пускать. Надо какъ-нибудь хлѣбъ-то зарабатывать. Сказано въ писаніи: «Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой». Семья у нихъ громадная, и все малъ мала меньше. Отецъ-то въ прошломъ году померши, а взрослыхъ работниковъ никого не осталось. Ну вотъ и приходится съ такихъ малыхъ лѣтъ разговывать по чужимъ людямъ. Спасибо и за то, что хоть дядя выискался, принялъ въ нихъ участіе: прислалъ вотъ имъ и на билеты для проѣзда до Архангельска.

Мальчики тѣмъ временемъ поднялись на палубу, которая тоже оказалась переполненной пассажирами. Вездѣ былъ народъ. Сидѣли, стояли, лежали всюду, гдѣ только было возможно: на скамейкахъ, подъ скамейками, въ проходахъ, на ларяхъ, на куляхъ, — словомъ, рѣшительно негдѣ было шагу ступить. Мужчины, женщины, дѣти, парни, дѣвушки, — всѣ перемѣшались въ одну общую кучу.

Больше всего ѣхало богомольцевъ, отправлявшихся въ Соловки.

— Глянь-ка, Сеня: куда это народъ-то поднимается еще выше? Можетъ-быть, и намъ можно?—сказалъ младшій изъ братьевъ, указывая на лѣсенку, ведущую на верхнюю палубу парохода, гдѣ помѣщались мостки капитана.

— И то. Пойдемъ и мы, Ваня. Можетъ-быть, не прогонять!—отвѣтилъ Сеня.

И мальчики несмѣло стали подниматься вслѣдъ за другими на верхнюю некрытую палубу.

— Э, вотъ гдѣ хорошо-то все видно!—съ восторгомъ произнесъ младшій братъ, увидя разстилавшійся передъ ихъ глазами просторъ широкой рѣки.

Но верхняя палуба тоже оказалась вся сплошь усѣянной пассажирами, точно мухами, налипшими къ меду. Многіе еще спали, растянувшись прямо на полу, другіе сидѣли или, за неимѣніемъ мѣста, стояли. Даже у самого края палубы виднѣлись неподвижно распростертые пассажиры,—того и гляди, кто-нибудь скатится въ воду. Казалось, налетитъ пароходъ на мель или ударься обо что-нибудь, и тотчасъ же съ него посыплются въ рѣку люди, какъ сыплются спѣлые плоды съ дерева, когда потрясутъ стволъ.

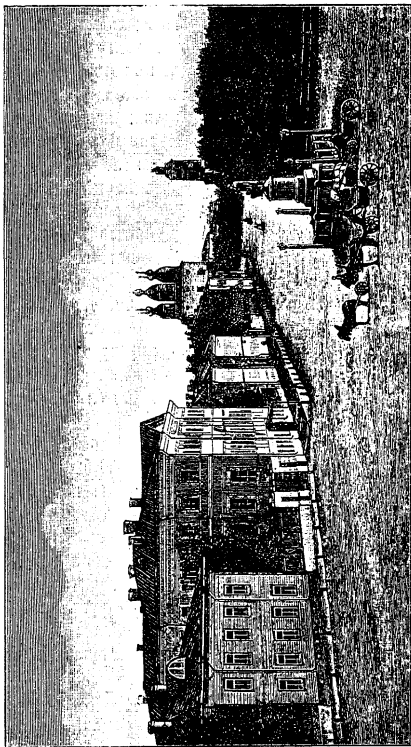
Не найдя болѣе удобнаго мѣста, мальчики прислонились къ стѣнкѣ капитанской рубки и съ восхищеніемъ стали смотрѣть на разстилавшуюся передъ ними картину.

Берега Сѣв. Двины отъ Холмогоръ до Архангельска очень густо населены, села и деревни виднѣются повсюду. Двина течетъ здѣсь въ холмистыхъ, покрытыхъ густыми лѣсами берегахъ. Пароходъ то и дѣло обгоняетъ караваны барокъ съ вятскимъ и волжскимъ хлѣбомъ, овсомъ и льномъ и плоты съ бочками соломы и пегу*) и съ лѣсомъ, болѣе всего съ лѣсомъ. Иногда на этихъ обширныхъ плотахъ виднѣются шалашики и даже цѣлыя небольшіе домики, иногда бѣлыя палатки для защиты отъ дождя и непогоды. Тутъ, на этихъ плотахъ, медленно движущихся внизъ по рѣкѣ, идетъ своя жизнь...

Для Сени и Вани было все ново: и эта обширная рѣка, и пароходъ, на которомъ они ѣхали въ первый разъ въ жизни, и люди, ихъ окружававшіе. До сихъ поръ они росли въ своей захолустной деревушкѣ и, кромѣ нея, не видѣли ничего. Правда, они оба посѣщали школу и изъ рассказовъ учителя знали о существованіи другой жизни, иной, чѣмъ ихъ деревенская, о другихъ странахъ и народахъ, но только теперь передъ ихъ глазами открывалась эта другая жизнь, другой для нихъ міръ. Они озирались вокругъ и присматривались ко всему. Сначала они всего боялись, но мало-по-малу начали осваиваться, стали ходить по пароходу, заглядывать въ машинное отдѣленіе и разсматривать, какъ тамъ работала машина, приводимая какою-то непонятною для нихъ силой въ движеніе.

Имъ было и жутко и весело. Будущаго они не боялись, потому что были еще въ такомъ возрастѣ, когда не думаютъ о будущемъ. Они слыхали много страшныхъ рассказовъ о жизни промышленниковъ на Мурманѣ, но эти рассказы только дразнили ихъ любопытство, и имъ самимъ хотѣлось посмотреть, что это за невѣдомая страна, гдѣ солнце по цѣлымъ мѣсяцамъ не заходитъ и стоитъ на небѣ круглый день. Къ тому же они знали, что съ ними будетъ дядя, котораго они хотя еще ни разу не видали, но представляли себѣ такимъ же добрымъ, какимъ былъ и ихъ отецъ.

*) Варъ, сгущенная смола.

Архангельскъ. Ломоносовская площадь.

— Вонъ ужь виднѣется деревня Уйма. Скоро, значить, и Архангельскъ!—произнесъ одинъ изъ пассажировъ, указывая рукою на показавшіяся на правомъ берегу рѣки дома деревушки, растянувшейся на нѣсколько верстъ вдоль рѣки.

Мальчики съ любопытствомъ начали вглядываться вдаль, желая поскорѣе увидеть тотъ городъ, въ которомъ жилъ ихъ дядя.

Вотъ миновали деревню, вотъ показался какой-то заводъ, вотъ лѣсопилка, вотъ каменные зданія пеньковаго, льняного и смоляного буяновъ *), а вотъ и церкви и длинное огромное зданіе таможни г. Архангельска, узкою лентой протянувшася вдоль праваго берега рѣки на разстояніи цѣлыхъ пяти верстъ.

Пароходъ издалъ продолжительный свистокъ и остановился у пристани возлѣ Архангельскаго монастыря.

Пассажиры торопливо начали высыпать на берегъ.

— Ребятки, гдѣ вы? А я васъ ищу. Берите свое имущество, да надо выходить! Не отставайте отъ меня, чтобы намъ не растеряться!—раздался за спиною дѣтей голосъ старика, стоявшаго съ котомкой за плечами и державшаго въ рукахъ два ребячьихъ мѣшка, нагруженные одежкой, бѣльемъ и другимъ скарбомъ.

Закинувъ мѣшки на спину, мальчики слѣдомъ за старикомъ пошли по сходнямъ на берегъ.

Старикъ зналъ, что дядя сиротъ жилъ въ предмѣстьѣ города—въ слободкѣ Соломбалѣ, куда можно было попасть съ монастырской пристани, только пройдя черезъ весь городъ.

Ребята, въ первый разъ еще въ своей жизни попавшіе въ большой городъ, съ удивленіемъ пялили свои глаза на большіе дома, на церкви, на разныя казенныя зданія, на набережную, на деревянные тротуары и на сады.

— Дѣдушка, кто это?—остановился вдругъ Валя, съ удивленіемъ увидавъ на площади большой гранитный, обнесенный желѣзною рѣшеткою столбъ, на которомъ стояло изображеніе какого-то человѣка.

— А это, дѣтки, памятникъ мужичку Ломоносову!—сказалъ, останавливаясь, старикъ, уже кое-что слыхавшій про знаменитаго архангельскаго крестьянина.—Онъ жилъ еще во время ма-

*) Мѣста для выгрузки и временнаго склада товаровъ.

тушки Екатерины, — давно это было, — и ушелъ изъ своей деревни Денисовки, возлѣ Холмогоръ, въ Питеръ учиться; выучился тамъ грамотѣ, а потомъ сдѣлался первѣющей человѣкъ у царицы. Вотъ ему и поставили этотъ памятникъ, чтобы на вѣчныя времена знали, каковъ былъ нашъ братъ мужичокъ.

Ребята, тоже слыхавшіе уже о Ломоносовѣ отъ школьнаго учителя, съ любопытствомъ обошли вокругъ памятника и затѣмъ направились къ находившейся за рѣкой Кузнечихой Соломбалѣ, гдѣ ютились преимущественно матросы, рабочіе и промышленники.

Разыскавъ домъ, какой надо было, путники вошли черезъ калитку во дворъ, гдѣ развѣшивала мокрое бѣлье какая-то женщина.

— Ба, дѣдушка Игнатій, здравствуй, милости просимъ! Это, должно-быть, мои милые племяннички? Вотъ какая радость! Здравствуйте, здравствуйте! — заговорила женщина, обнимая мальчиковъ.

Это оказалась тетка Арина, родная сестра матери сиротъ.

Тетушка Арина не видалась со своею сестрою уже много лѣтъ и была глубоко опечалена, когда узнала, что та овдовѣла, оставшись съ цѣлою кучею ребятъ на рукахъ. Арина посоветовалась съ мужемъ, и они рѣшили выписать къ себѣ двухъ старшихъ племянниковъ, такъ какъ у самихъ у нихъ дѣтей не было.

Тетка повела гостей въ домъ и не знала, какъ и чѣмъ ихъ угостить. Мужа ея въ это время дома не оказалось, — онъ гдѣ-то хлопоталъ передъ отъѣздомъ на Мурманъ.

Начались разспросы про сестру, про ея житье-бытье. Тетка Арина не разъ всплакнула, слыша про бѣдственное положеніе оставшейся послѣ смерти отца семьи.

Но вотъ вскорѣ вернулся и самъ хозяинъ.

— Ба, никакъ зуйки пріѣхали? Вотъ и отлично! Скоро, значить, отправимся въ путь! — весело обратился онъ къ прибывшимъ племянникамъ, здороваясь съ ними.

Это былъ еще не старый мужчина, лѣтъ подъ сорокъ. Средняго роста, коренастый, съ широкой темно-русой бородой, съ карими большими глазами и правильнымъ носомъ, онъ выглядѣлъ очень солиднымъ имышленымъ мужикомъ. Красивое русское лицо его дышало силой и готовностью на любую работу. Такихъ людей немало среди архангельскихъ поморовъ.

Трофимъ Степановичъ, — такъ звали дядю ребятъ, — былъ кореннымъ жителемъ Архангельска. Со своею теперешнею женою онъ познакомился на богомольѣ, когда ѣздилъ, еще будучи холостымъ, въ Соловки. Знакомство ихъ произошло случайно на пароходѣ во время обратнаго возвращенія изъ монастыря. Дѣвушка очень ему понравилась, и по прибытіи въ Архангельскъ онъ при-

Поморы.

гласилъ ее вмѣстѣ съ ея спутниками къ себѣ въ гости выпить чайку и отдохнуть. Въ то время онъ жилъ только со своею матерью, отца его въ живыхъ уже не было, и онъ былъ единственнымъ поильцемъ - кормильцемъ старушки. Его матери тоже понравилась молоденькая скромная богомолка.

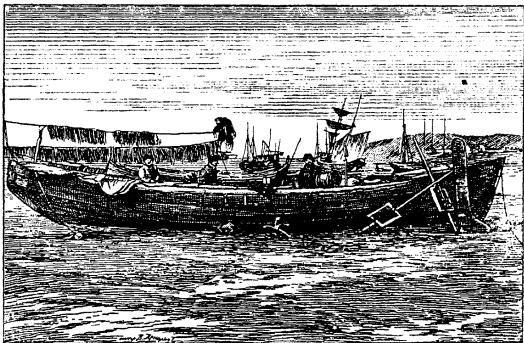
Вскорѣ послѣ этого знакомства Трофимъ съѣздилъ въ деревню, гдѣ жила Арина, и за сваталъ ее. Они поженились. Трофимъ перевезъ свою молодую жену въ Архангельскъ, и они зажили счастливо. Послѣ смерти свекрови Арина сдѣлалась полной хозяйкой въ домѣ и стала завѣдывать хозяйствомъ мужа, въ особенности, когда онъ по лѣтамъ отправлялся на промыслы на Мурманъ. Эти промыслы хотя и сопряжены съ опасностями, но зато очень прибыльны, и Трофимъ не хотѣлъ ихъ бросать. Дѣтей у нихъ не было. Предвидя приближеніе старости и въ то же время не желая бросать доходные промыслы, которые съ каждымъ годомъ расширялись все болѣе и болѣе, Трофимъ имѣлъ тайное намѣреніе передать ихъ со временемъ какому-либо близ-

гласилъ ее вмѣстѣ съ ея спутниками къ себѣ въ гости выпить чайку и отдохнуть. Въ то время онъ жилъ только со своей матерью, отца его въ живыхъ уже не было, и онъ былъ единственнымъ поильцемъ - кормильцемъ старушки. Его матери тоже понравилась молоденькая скромная богомолка.

Вскорѣ послѣ этого знакомства Трофимъ съѣздилъ въ деревню, гдѣ жила Арина, и за сваталъ ее. Они поженились. Трофимъ перевезъ свою молодую жену въ Архангельскъ, и они зажили счастливо. Послѣ

кому человѣку, который могъ бы ихъ продолжать. Какъ разъ въ минувшемъ году померъ братъ его жены, оставивъ сиротъ, и Трофимъ рѣшилъ усыновить ихъ, если только они окажутся дѣльными малыми.

— Ну, ребятки, погуляйте у насъ здѣсь нѣсколько деньковъ, а тамъ можно будетъ и въ путь. А ты, Ариша, пока что, научи ихъ стряпать: они будутъ у насъ на промыслахъ кашеварами.

Рыболовная шняка съ принадлежностями.

Аринѣ очень хотѣлось оставить младшаго изъ братьевъ при себѣ, но мужъ и слушать объ этомъ не хотѣлъ: ребята, по его мнѣнью, съ малолѣтства должны были привыкать къ промысловой жизни, чтобы сдѣлаться потомъ настоящими поморами. Да къ тому же они и нужны были на промыслахъ,—иначе, все равно, привелось бы нанимать чужихъ.

Братья были очень довольны такимъ рѣшеніемъ, такъ какъ имъ не хотѣлось разстаться другъ съ другомъ.

Ребята оказались очень смышленными, и Арина скоро передала имъ все свои знанія по кухонной части: она научила ихъ, какъ заводить квашню, какъ стряпать и печь хлѣбъ, какъ варить щи и уху, какъ жарить, какъ готовить кашу и проч.

Вотъ насталъ и день отъѣзда. Передъ отправленіемъ въ путь отслужили молебень. Священникъ окропилъ св. водою новенькую трехмачтовую шкуну, только-что построенную въ этомъ году и снабженную всѣми необходимыми принадлежностями для лова трески, составляющаго главный промыселъ поморовъ на Мурманѣ.

Распростившись съ Ариной, Трофимъ и его племянники вошли на шкуну, гдѣ уже сидѣли отправлявшіеся съ ними промышленники; матросы натянули паруса, и судно, подгоняемое попутнымъ вѣтромъ, направилось къ устью Сѣв. Двины, а изъ него на открытый просторъ Бѣлаго моря...

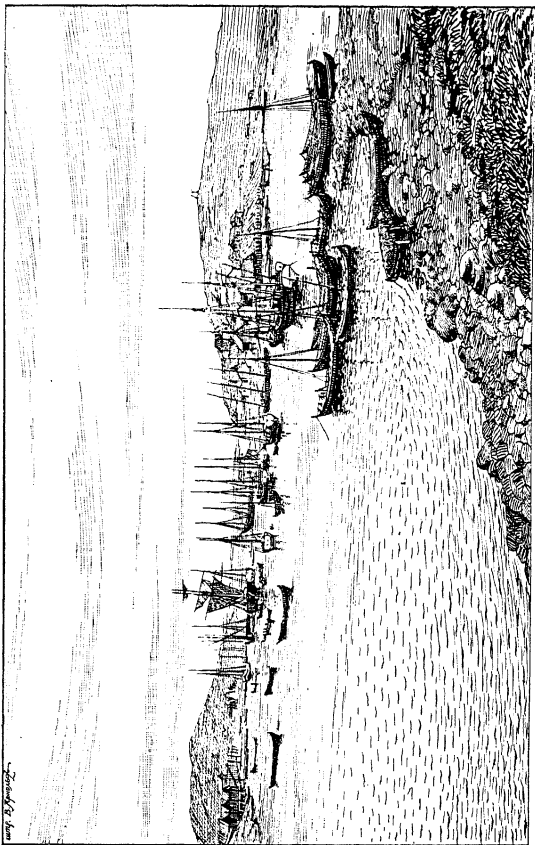
Путь предстоялъ немалый. Надо было переѣхать черезъ все Бѣлое море, обогнуть Терскій берегъ Кольскаго полуострова, выйти въ Сѣв. Ледовитый океанъ и затѣмъ уже попасть на Мурманъ. Къ счастью, вѣтеръ все время былъ благопріятный, льдовъ въ эту весну въ Бѣломъ морѣ уже нигдѣ не было видно, и на четвертый день они обогнули уже Святой носъ и поплыли вдоль скалистыхъ береговъ Мурманна на западъ, къ той бухтѣ, гдѣ находилось становище Трофима.

III.

Для нашихъ маленькихъ мореплавателей было все здѣсь ново и любопытно, — и эта безпредѣльная гладь моря, которой не видѣлось ни конца ни краю, и этотъ непрерывный день, когда они подвинулись подальше на сѣверъ. Они видѣли, какъ въ теченіе дня солнце поднимается кверху и, описавъ по небу дугу, опускается снова книзу, но вмѣсто того, чтобы закатиться и скрыться, опять начинаетъ подниматься. Ночь еще не наступила, а уже снова начинался день, и солнце, описывая круги, непрерывно все время оставалось виднымъ на небѣ. Это ихъ больше всего изумляло, и они долго не могли привыкнуть, когда же нужно ложиться спать, когда вставать.

Была середина мая, и стояла тихая, ясная погода, — когда шкуна, подгоняемая легкимъ свѣжимъ вѣтеркомъ, причалила въ глубоко вдающуюся въ берегъ бухту, къ тому становищу, гдѣ между другихъ становъ находился и станъ Трофима.

Ловъ трески еще не начался, но всѣ ждали, что рыба должна скоро пойти. Въ ожиданіи ея появленія прибывшіе занялись пова

Становище Гаврилово.

приведеніемъ своей хижины въ порядокъ. Трофимъ привезъ съ собою изъ Архангельска небольшой запасъ кирпичей, чтобы устроить въ своемъ стану, вмѣсто обыкновенной желѣзной, русскую печь, въ которой можно было бы печь хлѣбъ и варить щи, и вотъ теперь занялся ея устройствомъ.

Въ прежніе годы въ стану у Трофима была такая же грязь и неустройство, какъ и у всѣхъ другихъ промышленниковъ на Мурманѣ, но въ этомъ году, когда онъ привезъ на промыслы своихъ племянниковъ, послѣдніе придали хижинѣ болѣе или меньше жилой и уютный видъ. Когда появилась рыба и начались промыслы, они каждый разъ по отъѣздѣ промышленниковъ въ море чистили и подметали станъ и вообще заботились о поддержаніи его въ должномъ порядкѣ. И это не могло не отражаться на настроеніи Трофимовыхъ покрученниковъ *). Въ свободное отъ работы время они меньше пьянствовали, чѣмъ въ другихъ станахъ, меньше безобразили.

Въ другихъ станахъ зуйки были почти вездѣ наемными и подневольными, зависѣвшими не только отъ хозяина, но и отъ всякаго взрослого покрученника. Положеніе ихъ было ужасное, трудиться ихъ заставляли хозяева до невозможности. Кромѣ кашеварства, на нихъ часто возлагали самую тяжелую работу: быть наживодчиками и ѣздить вмѣстѣ съ взрослыми въ море. Имъ отдохнуть было некогда отъ работы, и надъ ними не издѣвался только лѣнивый, и не у кого имъ было искать защиты. Понятно, что при такихъ условіяхъ имъ было не до того, чтобы заботиться о чистотѣ въ стану: лишь бы только какъ-нибудь послѣ каторжнаго дня добраться до постели. И такъ какъ, благодаря этому, никто не слѣдилъ за чистотой и убранствомъ стана, то онъ приходилъ въ такое состояніе, что даже не всякій звѣрь сталъ бы въ немъ жить. А это, въ свою очередь, отзывалось на настроеніи измученныхъ дневною работою промышленниковъ, которые вымещали свое недовольство на тѣхъ же зуйкахъ, и такимъ образомъ ссоры и брань въ такой обстановкѣ не прекращались.

Сеня и Ваня, какъ хозяйскіе племянники, находились срав-

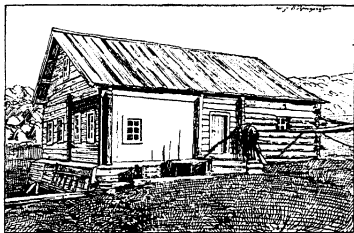
*) Покрученниками называются помощники хозяина лодокъ и рыболовный снастей, получающіе отъ него извѣстную часть улова.

нительно въ болѣе выгодномъ положеніи: ихъ никто не смѣлъ безнаказанно обидѣть, потому что дядя Трофимъ не допустилъ бы этого. Ихъ не изнуряли непосильною работою въ морѣ, а потому они имѣли возможность дѣлать добросовѣстно то, что имъ было указано. Но и этой своей работы было имъ за-глаза довольно. Кромѣ уборки стана, стряпни хлѣба и приготовленія обѣда, на ихъ обязанности лежала заготовка хворосту для топки; затѣмъ, когда промышленники возвращались съ моря и обѣдали, мальчики должны были распутывать и развѣшивать для просушки привезенныя рыболовныя снасти, иногда помогать чистить рыбу и проч. И ребята успѣвали все это дѣлать во-время, такъ что дядя Трофимъ не могъ нахвалиться своими племянниками.

Покрученники сначала смотрѣли на нихъ съ недовѣріемъ и даже враждебно, такъ какъ не могли помыкать ими, какъ ранѣе помыкали наемными зуйками у того же Трофима, но потомъ, видя, что у нихъ всегда во-время и обѣдъ готовъ, и станъ прибранъ и тепло истопленъ, скоро примирились съ ними и даже полюбили ихъ.

А съ своей стороны, маленькіе промышленники старались употреблять всѣ свои силы на то, чтобы угодить жившимъ съ ними покрученникамъ. Когда послѣли ягоды, а затѣмъ грибы, ребята бѣгали собирать ихъ и старались разнообразить всякими способами незатѣйливыва гушанья промышленниковъ. Кромѣ того, такъ какъ въ окрестностяхъ водилось много всякой птицы, то они собирали птичьи яйца, а иногда, съ дозволенія дяди, Сеня бралъ его ружье, отправлялся на охоту и приносилъ съ собой утокъ и гусей, которые тоже шли на обѣдъ.

Трофимъ видѣлъ, что съ появленіемъ его племянниковъ жизнь

Промысловой станъ.

въ стану пошла какъ-то глаже и дружиѣ, и не могъ нарадоваться, вполне понимая, что всѣмъ этимъ онъ обязанъ именно имъ. А общія одобренія и похвалы еще болѣе заставляли стараться братьевъ.

Такъ изо дня въ день тянулась жизнь двухъ мальчиковъ въ постоянной работѣ, съ перерывами лишь во время штормовъ или по случаю отсутствія наживки.

Лѣто съ его безконечнымъ днемъ проходило. Солнце каждыя

Ловля неводомъ песчанки.

сутки все ниже и ниже опускалось надъ горизонтомъ; вотъ оно уже начало задѣвать за край земли и ненадолго скрыватьсь. Съ каждымъ днемъ этотъ закатъ дѣлался все продолжительнѣе и продолжительнѣе.

Наступилъ августъ. Все чаще и чаще въ морѣ стали появляться туманы и налетать сильные штормы. Деревья начали терять свою листву; наступили темныя ночи и ненастье. Птицы собирались въ большія стаи и улетали въ теплыя страны. Въ океанѣ появились огромныя ледяныя горы, приносимыя вѣтромъ съ сѣвера. Онѣ походили на громадныя скалистые острова, странствующіе по волѣ вѣтра и морского теченія. Иныя изъ нихъ

Засолки рыбы.

были сажень 30—40 въ вышину; у такихъ льдинъ часть, сидящая въ водѣ, обыкновенно разъ въ 6 или 8 больше наружной; въ длину и ширину эти плавающія горы нерѣдко имѣютъ по нѣскольку сотъ и даже тысячъ сажень.

Большинство временныхъ промышленниковъ уже разъѣхалось съ Мурмана, и въ становищѣ, гдѣ былъ станъ Трофима, остался одинъ только онъ со своими покрученниками.

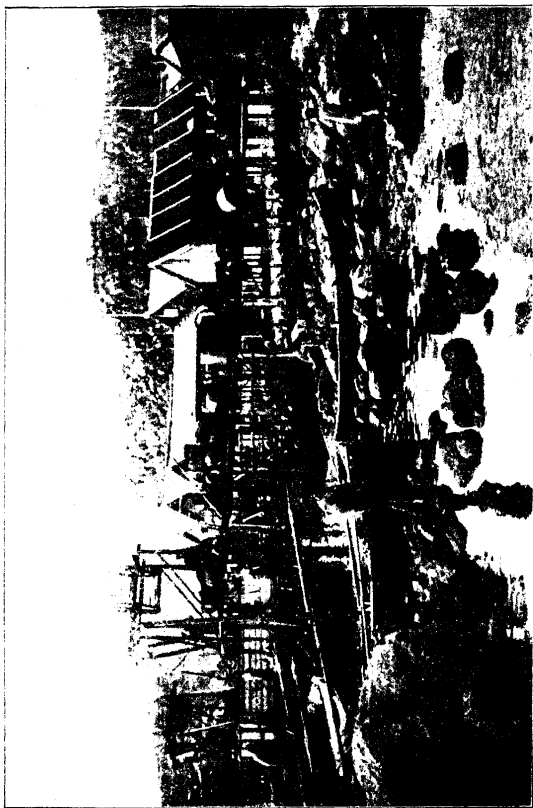
Трофимъ торопился поскорѣе закончить дѣла, чтобы тоже отправиться домой. Его шкуна была уже снаряжена. Ожидали только попутнаго вѣтра.

Но тутъ случилось неожиданное препятствіе, заставившее откладывать поѣздку со дня на день. На морѣ разыгрался сильнѣйшій штормъ, не прекращавшійся въ теченіе цѣлой недѣли. Объ отъѣздѣ въ такую погоду нечего было и думать. Промышленники съ нетерпѣніемъ и страхомъ за свою судьбу ждали окончанія непогоды. Но, когда она прекратилась, изъ Архангельска пришелъ пароходъ, сообщившій, что Бѣлое море загромождено массою плавающего льда, нагнаннаго съ Ледовитаго океана бурей, и что пробиваться черезъ этотъ ледъ не только на парусныхъ судахъ, но даже на пароходахъ чрезвычайно трудно и опасно.

— Плохо дѣло! Зимовать намъ здѣсь придется! — заявилъ Трофимъ своимъ покрученникамъ.

Всѣ приуныли. Коротать долгую полярную ночь вдали отъ близкихъ людей никому не представлялось особенно привлекательнымъ. Да и станъ не былъ приспособленъ для зимней стоянки.

Большинство покрученниковъ Трофима не согласились оставаться на Мурманѣ на зимовку; они отправились въ ближайшій поселокъ, куда заходили еще пароходы, возвращавшіеся въ Архангельскъ, и уѣхали на нихъ. Но Трофиму нельзя было бросить на произволь судьбы свою шкуну, на которой было еще много нераспроданной рыбы, и ему приходилось остаться на зиму со своими племянниками на Мурманѣ. Едва удалось ему уговорить еще двухъ покрученниковъ остаться съ ними; онъ соблазнилъ ихъ обѣщаніемъ заняться зимою ловлей акулъ, а раннею весною — промыслами на тюленей, что должно было дать всѣмъ имъ хорошій заработокъ.

Промысловые склады.

— Ну, ребята, не унывайте! Пробьемся какъ-нибудь зиму! Живутъ же здѣсь колонисты,—авось, проживемъ и мы!—утѣшалъ онъ своихъ племянниковъ.

Но тѣ и не думали унывать, такъ какъ зимовка на Мурманѣ не представлялась имъ особенно страшной. Они не имѣли еще понятія о томъ, что такое долгая полярная ночь, и даже были рады испытать неизвѣданное.

Трофимъ написалъ и послалъ съ однимъ изъ послѣднихъ пароходовъ письмо Аринѣ, чтобы она не ждала ихъ возвращенія до слѣдующей осени и не особенно за нихъ беспокоилась.

IV.

Наступилъ сентябрь. Пароходы перестали ходить. Жизнь на Мурманѣ замерла. Начались снѣжныя вьюги и метели.

Зазимовавшіе промышленники прежде всего постарались превратить свой станъ въ жилище, годное для зимней стоянки. Они тщательно проконопачили всѣ щели мхомъ, обложили также и фундаментъ и крышу, и обсыпали снѣгомъ. Огня забили ставнями, — во время сплошной полярной ночи не зачѣмъ было открывать ихъ. Впрочемъ, особенныхъ холодовъ они не боялись, такъ какъ знали, что на Мурманѣ не бываетъ суровыхъ зимъ.

Дни становились все короче и короче. Въ концѣ октября солнце стало оставаться на небѣ не болѣе полутора-двухъ часовъ: остальное время приходилось на ночь да на утреннія и вечернія сумерки.

13 ноября солнце въ послѣдній разъ, и то однимъ лишь краешкомъ, на нѣсколько минутъ показалось на горизонтѣ и затѣмъ скрылось, чтобы больше уже не всходить до наступленія весны. Сначала, въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ полдень показывался еще на нѣкоторое время какъ бы предутренній разсвѣтъ, но потомъ и это исчезло. Наступила длинная полярная непрерывная ночь.

Мальчики съ тосливою тревогой слѣдили за тѣмъ, какъ день постепенно превращался въ сплошную ночь, и какъ все время только луна да звѣзды сверкали на небѣ. Счетъ днямъ привелось вести уже не по солнцу, а только по висѣвшимъ въ стану часамъ.

Но дядя не позволялъ ребятамъ все время сидѣть въ хижинѣ; онъ то и дѣло гналъ ихъ на свѣжій воздухъ, такъ какъ зналъ,

что въ этихъ мѣстахъ во время долгой полярной ночи, при отсутствіи движенія на свѣжемъ воздухѣ, нерѣдко заболѣваютъ страшной болѣзью—цынгой. Эта болѣзнь начинается тѣмъ, что на человѣка нападаетъ болѣзненная сонливость, онъ дѣлается вялымъ, десны его распухаютъ и начинаютъ кровоточить, зубы шатаются, ноги отекаютъ и загниваютъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше слабѣетъ больной, теряетъ аппетитъ, и все ему становится неміло. И если такого больного насильно не вытаскиваютъ на воздухъ и не заставляютъ его двигаться, то онъ скоро впадаетъ въ безпамятство и умираетъ.

Какъ человѣкъ бывалый, Трофимъ всѣхъ, жившихъ подъ кровомъ его хижины, принуждалъ или дѣлать какую-либо работу, или ходить на охоту, или вообще какъ можно чаще быть внѣ хижины на свѣжемъ воздухѣ.

Однажды мальчики играли возлѣ стана въ снѣжки. Это было еще въ началѣ зимы. Ночь была безлунная, освѣщаемая только мерцавшими на небѣ звѣздами. Вдругъ на горизонтѣ появилась свѣтлая полоса, подобно бѣлой зарѣ. Она постепенно стала подниматься все выше и выше, освѣщая окрестность.

— Сеня, солнышко хочетъ всходить!—вскричалъ радостно младшій братишка.

— Нѣтъ, это что-то не то!—проговорилъ Сеня, видя, какъ сначала блѣдный свѣтъ сталъ быстро дѣлаться все болѣе и болѣе яркимъ.

— Охъ, что это?—въ изумленіи вскричалъ Ваня.

Въ этотъ мигъ яркая широкая лента опоясала весь небосводъ съ одного края до другого и начала трепетно колыхаться, извиваться, собираться складками и вновь развертываться, точно гигантскій кусокъ ярко-красной матеріи, испещренной разноцвѣтными полосами и отороченной огненными бахромками внизу, на подобіе пышной занавѣси. Она то и дѣло мѣняла свою форму, свои цвѣта и свое мѣсто на небѣ.

Мальчики, въ первый разъ увидѣвшіе это небесное явленіе, были поражены и перепуганы. Они ожидали, что вотъ-вотъ надъ ихъ головами разразится какой-нибудь грохотъ, и небо упадетъ на землю.

Но все было тихо и безмолвно.

Тогда они бросились въ свою хижину и неистово закричали:
— Дядя Трофимъ, на небѣ пожаръ!

Но, къ ихъ удивленію, дядя совершенно хладнокровно сказалъ:

— А, это, должно-быть, сполохи начались...

Однако онъ вмѣстѣ съ другими двумя промышленниками вышелъ изъ стана, и все стали любоваться чудеснымъ небеснымъ

Сѣверное сіяніе.

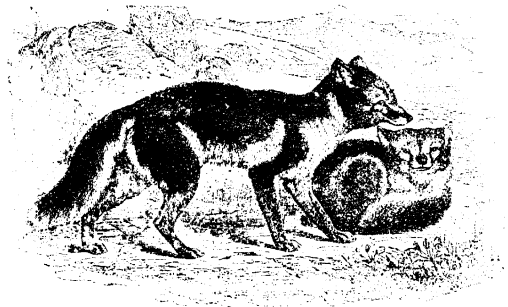
явленіемъ. На вопросы ребятъ онъ объяснилъ имъ, что эти пожары на небѣ здѣсь бываютъ очень часто, и что страшнаго въ нихъ ничего нѣтъ.

А яркая всѣхъ цвѣтовъ лента поднималась тѣмъ временемъ все выше и выше; свѣтъ отъ нея перебѣгалъ отъ одного края къ другому; иногда онъ на мгновеніе ослабѣвалъ, но затѣмъ загорался съ новою, еще большею силою.

Вдругъ ребята вскрикнули отъ изумленія и неожиданности: лента распалась на двѣ части! Верхняя ея часть засверкала еще ярче, блистая всѣми цвѣтами радуги, и изъ нея то и дѣло стали вылетать разноцвѣтные лучи свѣта.

Но вотъ свѣтвыя полосы постепенно начали меркнуть и гаснуть, пока совершенно не поглѣдѣли и не разсѣялись по небу, и пока снова не воцарилась безпросвѣтная ночь.

Съ этихъ поръ сѣверныя сіянія стали показываться очень часто, такъ что ребятишки скоро къ нимъ такъ привыкли, что перестали на нихъ обращать вниманіе и играли себѣ спокойно при ихъ волшебномъ мерцаніи.

Песецъ, или полярная лисица, въ лѣтнемъ одѣяніи.

Съ самаго начала зимы возлѣ становища появилось множество песцовъ—полярныхъ лисицъ. Отъ настоящихъ лисицъ эти звѣрьки отличаются меньшимъ ростомъ и цвѣтомъ шерсти, которая зимою у нихъ бываетъ бѣлая, а лѣтомъ или голубая, или темно-пепельная. Песцы питаются трупами выбрасываемыхъ моремъ животныхъ, а также пеструшками—особаго рода полевыми мышами, во множествѣ водящимися въ полярныхъ странахъ, птицами и проч. Лѣтомъ, когда повсюду было много корма, песцовъ не было замѣтно возлѣ становища; но когда наступила зима, когда норы пеструшекъ занесло глубокими сугробами снѣга, а птицы улетѣли на югъ, для нихъ настала великій постъ. Голодные, исхудалые, они цѣлыми стаями начали появляться возлѣ становища, чуя, что тутъ можетъ быть для нихъ пожива. Нужда дѣлала ихъ

крайне навоиливими и смѣлыми. Они подходили къ самому жилищу и старались стащить все, что плохо лежало: запасы пищи, звѣриныя шкуры, даже одежду и обувь, если только ихъ оставляли наружу. Они даже ухитрялись какимъ-то образомъ проникать въ самый станъ, гдѣ хранились запасы рыбы. Ни дичь ни мясо невозможно было оставлять на открытомъ воздухѣ: они тащили и пожирали все или прятали украденное въ укромныхъ мѣстахъ.

Сеня съ Ваней вели съ ними все время непримиримую войну. Они цѣлыми десятками убивали ихъ палками, и за время зимы у нихъ скопился такимъ образомъ большой запасъ шкурокъ этихъ звѣрковъ на довольно значительную сумму, такъ какъ шкура полярной лисицы даетъ очень теплый и довольно цѣнный мѣхъ.

Въ рѣчкѣ, на которой стояло становище, водились семга, кумжа и другая рыба; немало было рыбы и въ сосѣднихъ озерахъ. Ребята частенько ходили ловить эту рыбу крюками и жерлицами, дѣлая проруби и просижывая надъ ними по цѣлымъ часамъ, и такимъ образомъ у нихъ за столомъ никогда не переводилась свѣжая рыба.

Трофимъ со своими помощниками тоже не сидѣли сложа руки. Въ тихія лунныя ночи они обыкновенно отправлялись въ море на ловлю акулъ, которыя водятся у береговъ Мурмана въ изобиліи.

Акула—огромнѣйшая, кровожадная и смѣлая рыба, съ сильнымъ хвостомъ и широкою пастью, снабженною рядомъ острыхъ, крѣпкихъ зубовъ. Она до того смѣла, что нерѣдко нападаетъ даже на кита. Незамѣтно подплывъ къ мирно плавающему въ океанѣ гигантскому животному, она ныряетъ подъ него, перевортывается брюхомъ вверхъ, такъ какъ въ такомъ положеніи ей легче пустить въ ходъ свои зубы, и выгрызаетъ у морского великана куски сала и мяса, послѣ чего тотъ, разумѣется, скоро издыхаетъ. Эта чудовищная морская рыба достигаетъ въ ледовитомъ океанѣ до 5 сажень длины и вѣситъ нѣсколько сотъ пудовъ. Охотятся за нею изъ-за ворвани—жира акулы, который въ большомъ количествѣ содержится въ громадной печени ея. Кромѣ того, кожа акулы тоже находитъ обширное примѣненіе и хорошей сбытъ. Ловятъ акулъ толстыми желѣзными крюками, прикрѣпленными къ желѣзной цѣпи. На крюкъ надѣваютъ, какъ приманку, кусокъ

мяса или тюленьяго жира и цѣль спускають въ море. Прожорливое животное набрасывается на приманку и проглатывает ее вмѣстѣ съ крюкомъ. Тогда акулу вытягиваютъ на поверхность воды и оглушаютъ дубинами, а затѣмъ, окончательно добивъ, ведутъ къ берегу, гдѣ и распластываютъ.

Въ теченіе зимы наши промышленники поймали такимъ образомъ нѣсколько десятковъ этихъ чудовищъ.

У.

Однажды, въ одну изъ тихихъ лунныхъ ночей, старшіе промышленники уѣхали въ море ловить акулъ, а мальчики сидѣли дома, мирно бесѣдуя въ ожиданіи ихъ возвращенія.

— Что это, Сеня, какъ будто кто-то ходитъ у насъ на крышѣ?—сказалъ Ваня, прислушиваясь къ какому-то шороху.

— Я тоже слышу, что кто-то ходитъ!—отвѣтилъ братъ.— Но кому быть? Развѣ наши возвратились?

Вдругъ въ это время изъ печной трубы посыпались на шестокъ кирпичи.

— Это что такое?!—съ удивленіемъ вскричалъ Сеня, посмотрѣвъ на брата.

— Не знаю! Должно полагать, кто-нибудь изъ нашихъ.

— Такъ что онъ, сдурилъ, что ли, что трубу-то разворачиваетъ? Выбѣги-ка, Ваня, посмотри!

Ваня выскочилъ на улицу. Изба была до самой крыши занесена глубокими сугробами снѣга, и только передъ дверью для прохода въ сугробѣ былъ разгребленъ узенькій коридоръ.

Ваня выбѣжалъ изъ коридора и закричалъ:

— Кто тамъ? Зачѣмъ трубу-то ломаешь? Тамъ кирпичи сыплются въ печь!

Но на его окрикъ съ крыши послышалось чье-то недовольное ворчаніе... Какъ разъ въ это время изъ-за облака выглянула луна. Ваня всмотрѣлся въ шевелящуюся на крышѣ фигуру и вдругъ стрѣлой пустился обратно въ избушку.

— Сеня, бери скорѣй ружье! Тамъ, на крышѣ, бѣлый медвѣдь хозяйничаетъ!—вскричалъ онъ, захлопывая дверь и мигомъ задвигая деревянный засовъ за собой.

— Что ты?— испуганно переспросилъ Сеня.

— Вотъ-те Христось! Надо скорѣй двери-то чѣмъ-нибудь поплотнѣ заставитьъ, а то онъ видѣлъ меня и, пожалуй, слѣдомъ за мной придетъ сюда!

Едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ въ снѣжномъ коридорѣ послышался шорохъ, и дверь, отворявшаяся внутрь хижины, задрожала отъ напора чего-то тяжелаго.

Сеня мигомъ схватилъ со стѣны заряженное ружье и, направивъ дуло его на дверь, приготовился къ встрѣчѣ неожиданнаго гостя. Ваня досталъ другое ружье и тоже приготовился къ оборонѣ.

Дверь дрожала отъ возившагося за нею звѣря, и до слуха мальчиковъ то и дѣло доносилось оттуда его ворчливое рывканье, но они оба мужественно ждали, когда дверь растворится, чтобы выпалить. Вдругъ снаружи послѣдовалъ страшный ударъ лапой, дверь разсыпалась, словно она была сдѣлана изъ тонкихъ лучинокъ, и страшный звѣрь опустился передними ногами прямо на порогъ, выставивъ голову и смотря на освѣщенную лампой внутренность комнаты, какъ бы желая сказать: «А, вотъ они гдѣ!..»

Но это любопытство было для него роковымъ. Одновременно грянули два выстрѣла, и громадный бѣлый медвѣдь, не успѣвъ даже рывкнуть, повалился, смертельно пораженный въ голову двумя пулями, къ ногамъ двухъ маленькихъ героевъ.

Мальчики отскочили-было въ сторону, но, видя, что медвѣдь не шевелится, пришли въ себя и съ любопытствомъ начали осматривать непрошеннаго гостя, неподвижно лежавшаго передъ ними.

Въ эту минуту послышался голосъ дяди Трофима:

— Это что у насъ тутъ дѣлалось? Кто это дверь-то тутъ чинилъ?

Онъ вошелъ внутрь хижины, да такъ и остолбенѣлъ при видѣ распростертаго на полу громаднаго бѣлаго медвѣдя.

Слѣдомъ за нимъ вошли остальные промышленники и тоже остановились передъ медвѣдемъ съ разинутыми ртами, не въ силахъ слова проговорить отъ изумленія.

— Эва! Откуда такой гостенець? — произнесъ наконецъ, придя въ себя, дядя Трофимъ.

— Попроѣдать насъ заходилъ, да хорошо, что вы угощенье-то не увезли съ собой! — улыбаясь, сказалъ Сеня, указывая на валявшіяся на полу ружья.

И ребяташки, прерывая другъ друга, начали разсказывать, какъ было дѣло.

Удивленію ихъ храбрости и похваламъ ихъ удали не было и конца.

Медвѣдя освѣживали. Мясо его пошло въ запасъ для продовольствія, а шкуру припрятали, чтобы потомъ увезти съ собою. Затѣмъ принялись за исправленіе дверей и трубы, полуразрушенныхъ любознательнымъ гостемъ.

Бѣлые медвѣди.

Властелинъ полуночнаго царства, бѣлый медвѣдь живетъ на льду и чувствуетъ себя хорошо только среди родныхъ ему снѣжныхъ равнинъ и ледяныхъ полей. У него прекрасная теплая шуба, подъ которой находится толстый слой жира, такъ что ему нишечемъ никакіе морозы. Ростомъ онъ болѣе сажени и вѣситъ часто болѣе 50 пудовъ. Онъ смѣлъ, смысленъ и обладаетъ страшную силой. Его могучія, широкія лапы вооружены острыми когтями, а пальцы почти до половины снабжены плавательными перепон-

ками, и потому плаваетъ онъ превосходно. Онъ ловко умѣетъ взбираться на крутыя ледяныя горы и быстро бѣгаетъ и по льду и по землѣ. У него хорошее чутье, тонкій слухъ и острые зубы. Пищей ему служатъ всѣ животныя и рыбы, обитающія въ морѣ. Онъ умѣетъ мастерски на нихъ охотиться, а бѣлая шуба оказываетъ ему при этомъ большую услугу. Притаившись гдѣ-нибудь за льдиной, онъ тихо лежитъ, подстергая добычу, и затѣмъ ловкимъ прыжкомъ бросается на нее. Чаще всего онъ охотится на тюленей, стада которыхъ выходятъ изъ воды на плавающія льдины, чтобы подышать воздухомъ, или лѣтомъ—погрѣться на солнцѣ. При охотѣ на нихъ онъ обнаруживаетъ все свое искусство и хитрость.

Тюлень — животное осторожное, и потому изловить его довольно трудно. Завидѣвши издали тюленя, медвѣдь ложится на брюхо и медленно подползаетъ къ нему. Тюлень, повидимому, спитъ, но спитъ онъ очень чутко и поминутно просыпается и поднимаетъ голову, приглядываясь, нѣтъ ли какой опасности, и затѣмъ снова начинаетъ дремать. И вотъ, пока тюлень смотритъ по сторонамъ, медвѣдь лежитъ неподвижно, распластавшись на снѣгу или на льдинѣ, но, едва только онъ, успокоившись, опять задремлетъ, медвѣдь тихонько подвигается къ нему все ближе и ближе. Наконецъ, когда онъ подкрадется къ нему уже чуть не вплотную, онъ выпрямляется, дѣлаетъ два-три быстрыхъ прыжка и хватаетъ добычу. Если тюлень успѣетъ во время броситься въ воду, медвѣдь, не задумываясь, пускается слѣдомъ за нимъ. Плаваетъ онъ отлично и способенъ безъ передышки проплыть верстъ десять и болѣе.

Если медвѣдь замѣтитъ гдѣ-нибудь на льдинѣ стадо тюленей, то осторожно спускается въ воду и быстро плыветъ по направлению къ этой льдинѣ. то крадучись подъ поверхностью воды, то высунувъ изъ нея всего лишь одинъ носъ, чтобы только можно было дышать. Затѣмъ, подплывъ къ намѣченной льдинѣ, онъ осторожно взбирается на ея окраину и быстро бросается на свою добычу.

Бѣлый медвѣдь отваживается даже вступать въ единоборство съ моржомъ, этимъ гигантскимъ морскимъ звѣремъ, когда тотъ выходитъ, подобно тюленю, на ледъ подышать воздухомъ, и почти всегда остается побѣдителемъ.

Въ холодную длинную зиму, когда всё земные звѣри покидаютъ эту негостепріимную страну, чтобы искать убѣжища въ болѣе теплыхъ странахъ, одинъ только бѣлый медвѣдь остается здѣсь и блуждаетъ по пустыннымъ льдамъ въ поискахъ добычи. Часто слышится въ это время его голодный ревъ, похожій на сильный вопль или страшный неистовый вой. Въ случаѣ недостатка пищи бѣлый медвѣдь не брезгаетъ и трупами разныхъ животныхъ: мертвыми китами, тушами ободранныхъ охотниками тюленей и проч. Иногда онъ ловить даже птицъ — бѣлыхъ куропатокъ, полярныхъ совъ и проч.

Медвѣдица зимой обыкновенно залегаетъ мѣсяцевъ на пять, на шесть гдѣ-нибудь подъ скалою на снѣгу, не заботясь особенно о дальнѣйшемъ устройствѣ своего логовища. Скоро ее заноситъ сугробы, но снѣгъ таетъ вокругъ ея теплаго тѣла, и надъ животнымъ образуется сводъ съ отверстіемъ отъ теплаго дыханія. Жиръ, накопленный ею за лѣто, уходитъ на поддержаніе ея жизни, такъ какъ она остается все время спячки безъ пищи. Къ веснѣ у медвѣдицы рождается одинъ, а иногда и два маленькихъ, величиною не болѣе кролика, дѣтеныша, но они быстро растутъ и къ апрѣлю достигаютъ уже роста большой собаки. Медвѣжата постоянно ходятъ за матерью, она обучаетъ ихъ плавать, ловить для нихъ рыбу и не оставляетъ до тѣхъ поръ, пока они самостоятельно не научатся промысливать себѣ пищу. Медвѣдица — очень заботливая и сердобольная мать; въ случаѣ опасности она самоотверженно защищаетъ своихъ дѣтенышей и, даже смертельно раненая, до конца не оставляетъ ихъ.

Сытый бѣлый медвѣдь не трогаетъ человѣка и сторонится отъ него, но голодный онъ рѣшается нападать на него даже и тогда, когда тотъ совсѣмъ и не думаетъ его задѣвать.

Забредшій въ хижину нашихъ промышленниковъ медвѣдь, очевидно, былъ принесенъ къ берегамъ Мурмана на какой-либо плавающей льдинѣ, такъ какъ незадолго передъ этимъ былъ сильный штормъ и въ океанѣ было много плавающихъ льдовъ.

VI.

Приближалось Рождество. Наши отшельники стали готовиться къ встрѣчѣ праздника.

— Если въ сочельникъ погода будетъ хорошая, надо будетъ съѣздить въ церковь!—сказалъ однажды Трофимъ.

— Безпремѣнно надо съѣздить. А то что мы, въ самомъ дѣлѣ, живемъ здѣсь,—и Бога совсѣмъ позабыли! — отозвались покрученники.

— Тутъ что, вѣдь до колоніи вереть двадцать, не больше будетъ?

— Считаютъ всего восемнадцать прямымъ путемъ на лыжахъ, ну, да вѣдь теперь можно и на лодкѣ туда доѣхать, если только къ тому времени бухту не заштопорить торосами!—сказалъ Трофимъ.

Торосами называются груды наноснаго льда, скопляющагося иногда у береговъ.

Рябятишки были въ восторгѣ отъ предполагаемой поѣздки въ церковь.

Они съ нетерпѣніемъ ждали наступленія праздника и съ особеннымъ стараніемъ готовились къ его встрѣчѣ. Хижина была ими тщательно подметена, вымыта и прибрана; они напекли и нажарили заранѣе всякихъ кушаній.

Въ сочельникъ было довольно морозно, но погода стояла тихая, и океанъ былъ спокоенъ.

Одѣвшись въ чистое платье и помолвившись Богу, промышленники вышли изъ своего стана, плотно затворили за собой дверь и привалили къ ней нѣсколько тяжелыхъ камней, чтобы и въ самомъ дѣлѣ въ ихъ отсутствіе не вздумалъ забраться къ нимъ опять непрошенный хозяинъ этой полуночной страны — бѣлый медвѣдь.

Затѣмъ они отправились къ морю, гдѣ стояла шняка. Ночь была безлунная, и только яркія звѣзды своимъ мерцаніемъ озарили имъ путь. Но едва только они сѣли въ лодку и отчалили отъ берега, какъ вся окрестность освѣтилась яркимъ сѣвернымъ сіяніемъ.

Какое волшебное зрѣлище представилось ихъ глазамъ! Направо на берегу трепетали розовымъ свѣтомъ закутанныя въ зимнее одѣяніе горы, а прямо и налѣво разстилался темный безбрежный океанъ, усѣянный по всѣмъ направленіямъ плавающими гигантскими ледяными горами, сверкавшими тысячами самоцвѣт-

ныхъ камней. Эти горы имѣли самыя причудливыя очертанія. Вотъ чудный полуразвалившійся замокъ съ башнями, зубчатой оградой, съ высокими воротами, висячими мостами и великолѣпной дѣстницей, спускающейся къ морю. Тамъ дальше бѣлоснѣжный соборъ, а рядомъ колокольня, за ней другая... За соборомъ обширная гладь моря, усеянная множествомъ ледяныхъ шаровъ, среди которыхъ разбросаны холмы, колонны, гигантскіе памятники, столбы, ворота, дома, дворцы, — словомъ, цѣлое сборище самыхъ разнообразныхъ сооруженій изъ льда. Все это при свѣтѣ сѣвернаго сіянія блеститъ и искрится яркимъ блескомъ драгоценныхъ камней.

А на небѣ величественно горятъ разноцвѣтныя огненные полосы, точно тамъ происходитъ какое-то великое ликованіе по случаю рожденія Божественнаго Младенца... Казалось, вотъ-вотъ сверху раздадутся ангельскіе голоса, поющіе рождественскую пѣснь: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ»...

Но всюду въ природѣ было тихо и безмолвно, и ни одинъ звукъ не доносился ниоткуда, будто кругомъ была одна безпредѣльная пустыня.

И Сенъ съ Ваней все это казалось какимъ-то чуднымъ и волшебнымъ сномъ.

Но вотъ сіяніе мало-по-малу потухло, и вновь кругомъ водворилась темная, молчаливая ночь, нарушаемая лишь звуками всплеска весель... Вдругъ до слуха плавшихъ донесся издали звонъ колокола, и всѣ они разомъ сняли шапки и перекрестились.

— Не опоздать бы намъ! Надо поторапливаться! — сказалъ Трофимъ, налегая на весла.

Вотъ впереди на берегу заблестѣли огоньки небольшой деревянной церкви. Вскорѣ шлюпка причалила къ берегу. Прибывшіе вышли изъ лодки и направились къ церкви, стоявшей посреди небольшой деревушки—колониі. Они вошли въ храмъ, когда служба уже началась.

Отстоявъ утреню и обѣдню, наши богомольцы побывали кое у кого изъ знакомыхъ колонистовъ, закупили въ колониальной лавочкѣ кое-какихъ сластей для праздника, Трофимъ захватилъ даже бутылку водки, и затѣмъ снова всѣ отправились въ обратный путь.

Около полуденъ стало нѣсколько свѣтлѣе, но этотъ полдень походилъ скорѣе на предразсвѣтныя сумерки, и когда, спустя часа три, наши путешественники возвратились въ свою хижину, то вновь стояла уже темная ночь.

VII.

Послѣ Рождества жизнь нашихъ промышленниковъ пошла нѣсколько оживленнѣе. Заря на небѣ съ каждымъ днемъ становилась все ярче и ярче, предразсвѣтныя сумерки стали дѣлаться все длиннѣе, пока наконецъ 9 января не показался на горизонтѣ на нѣсколько минутъ краешекъ яркаго солнца.

Начиная съ этого дня солнце съ каждымъ разомъ стало оставаться на небѣ на срокъ все болѣе продолжительный. Дни начали чередоваться съ ночами. Сначала эти дни были коротки, но затѣмъ постепенно дѣлались все длиннѣе, пока не сравнялись съ ночами, послѣ чего начали убывать уже ночи.

Но вотъ наступилъ день, когда солнце и совсѣмъ перестало прятаться за горизонтомъ, и опять начался сплошной полярный день. Солнце медленно поднималось въ теченіе 12 часовъ, — впрочемъ, не особенно высоко, — а потомъ столько же часовъ опускалось къ горизонту, но не заходило, а вновь начинало подниматься, колеся въ сѣверной части неба у всѣхъ на глазахъ, точно опи-сывая круги.

Настала весна. Земля начала оттаивать и сбрасывать мѣстами свои ледяныя оковы. Всюду послышалось журчаніе ручьевъ, образовавшихся изъ растаявшаго снѣга. Съ сосѣднихъ горъ шумно понеслись потоки и водопады. Затрещали ледники. Съ юга потянулись безчисленныя стаи птицъ, и окрестности наполнились немолчными криками чаекъ, дивихъ утокъ, гусей, гагарокъ и веселымъ щебетаніемъ морскихъ ласточекъ. Пернатые гости цѣлыми тучами стали кружить въ воздухѣ, плавать въ вождѣ, покрывать ледяныя горы.

И въ то же самое время началось прибытіе на Мурманъ промышленниковъ, которые частью шли пѣшкомъ черезъ Кольскій полуостровъ, частью пріѣзжали на пароходахъ, а частью на парусныхъ промысловыхъ шкунахъ.

Приближался ловъ рыбы, пошедшей изъ океана къ берегу для метанія икры.

Съ прибытіемъ первыхъ пароходовъ Трофимъ получилъ вѣсточку отъ Арины. Она сообщала, что дома все обстоитъ благополучно, и что она надѣется, что и ея мужъ съ племянниками тоже благополучно прозимовали на негостепріимномъ Мурманѣ.

Ловъ трески на восточномъ берегу Мурмана начинается обыкновенно только во второй половинѣ мая. Прежде эта рыба по-

Тюлень.

являлась здѣсь съ самаго начала весны, но потомъ весенній промыселъ ушалъ, такъ какъ треска стала появляться лишь къ началу лѣта. Къ этому же времени должны были явиться и прошлогодніе покрученники Трофима, съ которыми онъ условился ловить треску и въ этомъ году. Въ ожиданіи появленія трески и прихода покрученниковъ Трофимъ съ двумя своими помощниками занялись ловлей тюленей, которые появляются здѣсь въ началѣ весны, вмѣстѣ съ появленіемъ изъ океана рыбы, за которою они охотятся. Тюленей промышляютъ здѣсь не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, не подварауливаютъ ихъ гдѣ-либо на льдинахъ или на песча-

ныхъ отмеляхъ и не бьютъ дубинами, и даже не охотятся на нихъ съ ружьемъ, а ловятъ особаго рода сѣтями, какъ рыбу. Сѣти опускаютъ въ воду стѣною прямо отъ берега; ко дну такая сѣть притягивается якорями, а вверхъ ее тянутъ поплавки. Тюлень, гоняся за рыбой, попадаетъ лопастями или головой въ ячейки сѣти, зацутывается въ нихъ и задыхается.

За весну Трофимъ съ двумя оставшимися съ нимъ покрученниками успѣли наловить столько тюленей, что, когда прибыли остальные покрученники, они только ахнули отъ зависти и очень досадовали, что не остались вмѣстѣ съ ними на зимовку.

Такимъ образомъ Трофиму нечего было жалѣть о томъ, что пришлось прозимовать на Мурманѣ. Правда, жизнь была трудная, но зато она съ лихвой была вознаграждена удачными промыслами.

Прошло и второе лѣто.

Вновь наступила осень съ ея туманами, дождями и штормами. Наши промышленники стали собираться домой на этотъ разъ уже пораньше, изъ опасенія, какъ бы опять не зазимовать на Мурманѣ. Къ тому же въ началѣ осени въ Архангельскѣ бываетъ Маргаритинская ярмарка, и Трофиму хотѣлось попасть на нее во-время, чтобы съ выгодною распродать свою добычу.

Трофимъ былъ очень доволенъ своими племянниками и за ихъ усердную службу рѣшилъ отпустить ихъ на зиму на побывку къ матери въ деревню. Онъ далъ имъ разныхъ подарковъ для матери, а также нѣкоторую сумму денегъ, добросовѣстно заработанную мальчиками, и отправилъ ихъ на одномъ изъ послѣднихъ пароходовъ, отплывавшихъ изъ Архангельска вверхъ по Сѣв. Двинѣ, на родину.

Радости бѣдной вдовы, не чаявшей увидать своихъ ребятисшекъ, не было предѣла. А деревенскіе сверстники-ребята смотрѣли на своихъ бывшихъ пріятелей какъ на героевъ и завидовали имъ, когда тѣ начинали рассказывать про свое житье въ полуночномъ царствѣ среди долгой полярной ночи и про свои пріключенія.

Трофимъ исполнилъ свое намѣреніе: онъ усыновилъ обоихъ сиротъ и, чтобы сдѣлать изъ нихъ дѣльныхъ и знающихъ людей, отдалъ въ шкиперское училище въ Архангельскѣ, но каждое лѣто бралъ ихъ съ собою на промыслы на Мурманъ.

Мурманъ.

О черкъ.

Мурманомъ, или Мурманскимъ берегомъ, называется берегъ Ледовитаго океана отъ Вѣлаго моря до норвежской границы; Кольскимъ заливомъ Мурманскій берегъ дѣлится на двѣ части: на западный Мурманъ и восточный.

Берега Мурмана состоятъ почти сплошь изъ голыхъ гранитныхъ скалъ, покрытыхъ кое-гдѣ мхомъ и тощею растительностью. На западномъ Мурманѣ между этими скалами иногда далеко вглубь материка врѣзываются множество глубокихъ заливовъ, представляющихъ болѣе или менѣе удобныя стоянки для судовъ и убѣжища для промышленниковъ. По берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ океанъ, встрѣчается иногда покрытый слоемъ торфа песокъ; на такихъ мѣстахъ есть недурные луга, доставляющіе сѣно для скота.

Несмотря на то, что Мурманъ лежитъ далеко на сѣверѣ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году солнце совсѣмъ не показывается на горизонтѣ и стоитъ непрерывная полярная ночь,—здѣсь не бываетъ такихъ суровыхъ зимъ, какъ, напримѣръ, въ Москвѣ или Казани. Климатъ здѣсь довольно умѣренный, и въ то время, какъ зимой замерзаютъ не только Вѣлое, но и Балтійское моря, гавани на берегу Мурмана круглый годъ остаются не замерзшими. Это наше не замерзающее, единственное свободное и просторное море, изъ котораго открыта широкая дорога во всѣ части свѣта безъ оговорокъ, безъ запрета, безъ заставъ и стѣсненій.

Умѣренный климатъ въ этой полярной странѣ объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что часть Ледовитаго океана, омывающая Мурманскій берегъ, находится подъ вліяніемъ теплаго морского теченія, идущаго изъ Атлантическаго океана вдоль береговъ Норвегіи, а во-вторыхъ, тѣмъ, что Мурманъ защищенъ отъ холодныхъ вѣтровъ прибрежными горами.

Весна начинается здѣсь въ концѣ марта и продолжается до половины мая. Это время тумановъ и дождей.

Лѣто считается съ половины мая и до половины іюля; это царство сплошного дня и время усиленныхъ рыбныхъ промысловъ. Въ концѣ лѣта здѣсь поспѣваетъ много грибовъ и ягодъ: моршки, моховой смородины, брусники, черники, голубицы и водяницы.

Осень продолжается съ половины іюля до половины октября, когда опять настаетъ время тумановъ. Перелетныя птицы въ это время собираются стаями и готовятся къ отлету въ теплыя страны, а промышленники тоже готовятся въ обратный путь домой, и Мурманъ постепенно пустѣетъ.

Зима продолжается съ половины октября до половины марта. Суровыхъ зимъ здѣсь не бываетъ, и морозы въ 10—15 градусовъ—рѣдкость. Однако снѣгъ выпадаетъ въ большомъ изобиліи; особенно много его набивается въ расщелины горъ—до 7—8 аршинъ, такъ что въ такихъ мѣстахъ онъ и растаять за все лѣто не успѣетъ. Но зато здѣсь не бываетъ и большихъ жаровъ лѣтомъ.

Неисчерпаемая рыбная богатства Мурмана у его береговъ давно уже привлекали сюда русскихъ промышленниковъ-поморовъ. Кола, первое поселеніе новгородскихъ выходцевъ на Мурманѣ, упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ еще въ 1264 году. Однако, несмотря на то значеніе, какого заслуживалъ этотъ край, онъ почему-то почти до самаго послѣдняго времени не привлекалъ къ себѣ особеннаго вниманія. И въ то время, какъ иностранцы, преимущественно шведы и норвежцы, все болѣе и болѣе забирали въ свои руки морскіе промыслы, русскіе поморы, оставаясь безъ поддержки, не могли съ ними соперничать и должны были отступать на второе мѣсто. Только въ послѣднія два десятилѣтія русское правительство обратило наконецъ вниманіе на этотъ край и начало оказывать кое-какую помощь отправляющимся туда колонистамъ и промышленникамъ. Въ 1899 году на Мурманѣ, въ Екатерининской гавани, былъ построенъ даже городъ и портъ Александровскъ для стоянки военныхъ морскихъ судовъ, и сюда изъ г. Колы перенесено уѣздное управленіе Кольскаго уѣзда. Съ этихъ поръ положеніе русскихъ поморовъ здѣсь стало улучшаться.

Постоянныхъ колонистовъ, живущихъ круглый годъ въ болѣе или менѣе благоустроенныхъ домахъ, въ восточной части Мурмана, называемой Русскимъ берегомъ, не насчитывается и до 200 человекъ; западная же часть Мурмана населена гораздо гуще, тамъ живетъ болѣе 1000 душъ. Но съ весной количество населенія обыкновенно утраивается временно наѣзжающими промышленниками, и промысловая жизнь кипитъ по всему побережью вплоть до глубокой осени.

Однако оживленіе это не идетъ дальше узкой береговой полосы, и уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега вглубь страна дѣлается

вновь тиха и пустынна. Рѣдко-рѣдко пролетитъ здѣсь какая-нибудь птица либо промелькнетъ песець или заяць. Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ путникъ все болѣе и болѣе погружается точно въ глубокую могилу. Тишина дѣлается жуткой и гнетущей. Коренное населеніе здѣсь—лопарь, и они не имѣютъ почти никакого значенія въ жизни Мурмана. Можно проѣхать на пароходѣ вдоль всего Мурманскаго берега и не встрѣтить ни одного лопаря. Они совершенно оттѣснены пришлымъ элементомъ—русскими, финляндцами и норвежцами, вглубь страны; рыбными промыслами они не занимаются, а кочуютъ со своими стадами оленей по всему Кольскому полуострову съ мѣста на мѣсто въ поискахъ корма для своихъ стадъ.

Самый важный и прибыльный промыселъ на Мурманѣ—тресковый.

Треска—это крупная морская рыба, достигающая иногда саженей длины; живетъ она чаще всего около самаго дна, на глубинѣ саженей ста и болѣе; обыкновенно ее сопровождаютъ разныя другія рыбы, которыя вмѣстѣ съ треской являются наиболѣе важными промысловыми рыбами на Мурманѣ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежать: пикша, очень похожая на треску, но только болѣе мелкая, почти въ половину менѣе ея по размѣрамъ; затѣмъ палтусъ, вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ, немного крупнѣе трески, пестрая зубатка и проч.

Тресковый промыселъ—одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Потребляютъ треску миллионы людей. У насъ на Мурманѣ ежегодно ловится этой рыбы до миллиона пудовъ, а рядомъ, въ Норвегій, почти вдвое болѣе. Но наши промыслы далеко не такъ хорошо устроятся, какъ промыслы европейцевъ. Для ловли трески русскіе промышленники распредѣляются по четыре человѣка на каждую шняку *), при чемъ двѣ трети cadaго улова получаетъ хозяинъ шняки и снастей и лишь одну треть—работающіе съ нимъ его помощники. Такой порядокъ раздѣла улова называется покрутомъ, а сами промышленники—покрученниками.

Прежде чѣмъ отправиться въ море на ловлю трески, промышленники ловятъ большими неводами мелкую рыбешку—мойву и песчанку, огромными стадами въ опредѣленное время приходящую къ берегамъ Мурмана, въ устья его рѣкъ, для метанія икры. Появленіе этой рыбешки является предвѣстникомъ, что за нею слѣдуютъ треска и болѣе крупная рыба. Мойва и песчанка являются необходимыми для промышленниковъ: этою рыбешкою наживляютъ ярусъ, и она служитъ приманкою, на которую и ловятъ треску.

Ярусъ состоитъ изъ очень длинной, крѣпкой бечевки, къ которой

*) Безпалубная лодка.

прикрѣпляются въ разстояніи сажени другъ отъ друга такъ называемые форшни—тоненькія бечевочки, длиною четверти въ три; на концахъ этихъ форшней прикрѣплены крючки, на которые и насаживаютъ мелкую рыбешку. Ярусы бывають очень длинны, они тянутся версты на десять и даже болѣе. Отѣхавъ отъ берега версты двадцать, промышленники выметываютъ ярусъ въ море, при чемъ мѣсто, гдѣ находится ярусъ, обозначается плавучими знаками—кубасами, а затѣмъ, черезъ шесть часовъ, выбираютъ ярусъ изъ воды.

При удачной ловлѣ случается, что одинъ только ярусъ даетъ до 300 пудовъ рыбы; почти изъ каждыхъ трехъ крючковъ на одномъ сидитъ крупная рыба. Впрочемъ, это бываетъ не часто; въ среднемъ же каждый выѣздъ даетъ отъ 100 до 200 пудовъ.

Чтобы не терять даромъ драгоцѣннаго времени во время хода трески, промышленники, возвращаясь на берегъ, тутъ же въ дорогѣ приступаютъ къ очисткѣ рыбы. Острыми, короткими ножами они отрѣзають рыбѣ головы и, сдѣлавъ вдоль спины глубокой надрѣзъ, разворачивають рыбу и вынимають ея внутренности, которыя выбрасываютъ въ море, за исключеніемъ печени, складывающейся въ особую посудину. Эта печень сдается потомъ на салотопенные заводы для выдѣлки рыбьяго жира. Очищенную такимъ образомъ рыбу, по возвращеніи на берегъ, тотчасъ же сдаютъ или для засолки, или скупщикамъ.

Солять треску чаще всего въ особыхъ бочкахъ «трещанкахъ», въ каждую изъ которыхъ умѣщается около 25 пудовъ рыбы, или же прямо на кораблѣ, въ нижнемъ помѣщеніи его.

Отрѣзанныя рыбы головы поступаютъ обыкновенно въ пользу покручениковъ. Въ Западной Европѣ эти головы и другіе отбросы идутъ на приготовленіе удобренія для полей, но наши промышленники сохраняють ихъ для себя, какъ пищевые запасы. Для этого ихъ предварительно развѣшиваютъ на солнцѣ и сушатъ, но такъ какъ жаркихъ дней на Мурманѣ вообще не бываетъ, то, прежде чѣмъ эти головы высохнутъ, въ нихъ заводится множество червей; однако русскій человѣкъ такъ бѣденъ и нетребователенъ, что довольствуется и такой противной пищей, которую не всегда стали бы ѣсть и собаки.

Сдавъ полученный уловъ для засолки или распродавъ его скупщикамъ, промышленники принимаются снова ловить неводами наживку, чтобы опять отправиться въ море. Нельзя терять ни минуты дорогаго времени, потому что ходъ трески часто бываетъ капризный, а кромѣ того, и погода не всегда можетъ благопріятствовать ловлѣ. Нерѣдко на морѣ поднимается штормъ, и тогда всѣ промышленники тотчасъ же бросаютъ работу и оставляють иногда въ морѣ и ярусы,

и стремятся поскорѣе укрыться въ гавани, потому что во время шторма оставаться въ морѣ на такомъ ненадежномъ суденышкѣ, какъ шняка, чрезвычайно опасно: она можетъ перевернуться вверхъ дномъ, или, въ лучшемъ случаѣ, ее можетъ утнать далеко отъ берега, и она затеряется въ морѣ и погибнетъ вмѣстѣ съ экипажемъ. Штормы длятся иногда по нѣскольку дней, и все это время промышленники принуждены сидѣть въ бездѣйствіи на берегу. Но нерѣдко приходится бездѣйствовать и при прекрасной погодѣ и прекрасномъ уловѣ: это случается тогда, когда не оказывается налицо наживки—мелкой рыбешки: она тоже иногда скрывается отъ береговъ.

Тяжела въ общемъ жизнь промышленниковъ на Мурманѣ, а въ особенности во время хода рыбы. Ни днемъ ни ночью въ это время промышленнику нѣтъ отдыха, потому что каждая минута дорога; онъ все время въ морѣ, ему поѣсть некогда. Измученный, голодный и недоспавшій, онъ производитъ свою работу только по привычкѣ, не думал о ней и плохо соображая, что кругомъ его происходитъ.

Но хуже всего приходится наживодчикамъ. «Наживлять ярусъ»—значить: насаживать на крючки наживку. Работа спѣшная, а при спѣшкѣ часто приходится накалывать руки. При той жизни, какую приходится вести промышленникамъ, самая ничтожная ранка при работѣ съ рыбой быстро превращается въ опасную, злокачественную рану; но лѣчиться не у кого да и некогда.

Живутъ пришлые промысловые рабочіе обыкновенно въ стану, т.-е. во временныхъ избушкахъ, по большей части земляныхъ; каждая избушка состоитъ изъ двухъ половинъ: одна назначается для жилья, другая для склада рыбы. Въ жилой половинѣ низко, темно, грязно, холодно, потому что печей часто въ такихъ избушкахъ нѣтъ, вѣтеръ продуваетъ насквозь; тутъ же развѣшивается послѣ работы въ морѣ и мокрая одежда,—поэтому сыро, мокро; всюду валяются внутренности и отбросы выпотрошенной рыбы; кругомъ кишатъ черви, зловоніе заражаетъ воздухъ... И въ такой-то обстановкѣ приходится спать рабочимъ промышленникамъ вповалку на грязныхъ нарахъ, въ тѣснотѣ и духотѣ, скучиваясь въ дурную погоду въ тѣсной избушкѣ по пятнадцати человекъ и болѣе, и жить иногда по цѣлымъ недѣлямъ въ бездѣйствіи, въ ожиданіи хода рыбы. Отъ скуки и вынужденнаго бездѣлья появляются водка и карты, а отъ нихъ ссоры, драки и всякія безобразія...